

УДК 343.98
ББК 67.515

Т.П. Будякова,
кандидат психологических наук, доцент,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ВИКТИМОЛОГИИ

В статье рассматриваются методологические и прикладные вопросы виктимологии. Автор высказывает свою позицию по дискутируемому в криминологии вопросу – о возможности использования в научном исследовании и в качестве меры профилактики преступлений криминологического (виктимологического) эксперимента. Определены основные цели виктимологического эксперимента и сформулированы критерии использования эксперимента в виктимологии.

Ключевые слова: виктимология; криминологический эксперимент; жертва; метод; профилактика.

T.P. Budyakova,
Ph.D. in Psychology, Ass. Professor,
Yelets State Ivan Bunin University

ACTIVE METHODS IN VICTIMOLOGY

The paper considers methodological and practical issues of victimology. The author states her position on an issue much discussed in criminology – the use of criminological (victimological) experiment both as a research tool and a crime prevention measure. The paper determines key goals of a victimological experiment and formulates the criteria for the use of experiment in victimology.

Key words: victimology; criminological experiment; victim; method; prevention.

Активные методы находят свое применение как в научном исследовании виктимологических проблем, так и в практике при осуществлении виктимологической профилактики.

Традиционные научные криминологические методы имеют большую историю применения с разработанной технологией их использования. Вместе с тем практические потребности предупреждения преступности заставляют исследователей активнее внедрять в научный криминологический инструментарий и иные методы, ранее либо редко, либо не применявшиеся вообще. Однако при этом возникают различные трудности правового характера.

Наибольшую дискуссию в криминологии вызывает метод криминологического эксперимента. Общенаучный эксперимент определяется как создание условий или процедур с целью проверки какой-либо гипотезы. При разработке эксперимента основное внимание уделяется: а) независимым или экспериментальным переменным; б) последствиям или результатам эксперимента (зависимым переменным). Основная сущность эксперимента – контроль над независимыми переменными, при котором могут быть обнаружены причинно-следственные связи с зависимыми переменными [11, с. 501].

Криминологический эксперимент можно определить как разновидность общенаучного эксперимента, заключающуюся в проверке криминологических гипотез посредством моделирования криминальной реальности или ее отдельных элементов. При этом в качестве зависимой переменной выступает модель преступного результата, а независимыми переменными являются различные искусственные (модельные) факторы, изоморфно отражающие основные элементы механизма преступления. Применительно к виктимологическим проблемам такими факторами можно считать искусственно представленные различные виктимологические факторы преступности. Отсюда *виктимологический эксперимент* можно рассматривать как вид криминологического эксперимента, заключающийся в моделировании виктимологически значимых элементов механизма преступления с целью изучения факторов первичной и вторичной виктимизации и проверки эффективности разрабатываемых мер виктимологической профилактики.

Убежденные противники использования экспериментального метода в криминологии высказывались о его полной недопустимости. К их основным аргументам можно отнести следующие: а) проведение эксперимента провоцирует преступление; б) криминологи-

ческий эксперимент рассматривается как совершение реального преступления. При этом даже акцентировалось внимание на возможности уголовной ответственности экспериментатора. Он рассматривался как соучастник экспериментального преступления в одной из криминальных ролей: подстрекателя, пособника или в ином качестве; в) меры борьбы с преступностью должны базироваться на законе, общепринятых нормах морали и не нарушать прав и свобод, законных интересов человека и гражданина, национальных и религиозных чувств, а в эксперименте они могут нарушаться [7, с. 66].

Между тем следует обратить внимание на то, что некоторые аргументы ортодоксальных противников применения эксперимента в криминологических исследованиях недостаточно обоснованы. Во-первых, легковесен общий аргумент о том, что, моделируя преступление, исследователь обязательно совершает преступление, которое он моделирует. Моделирование – это вид замещающей деятельности. Замещение предполагает два плана деятельности: реальный и знаково-символический. Замещающая деятельность только условно похожа на замещаемую реальность. При моделировании происходит кодирование условными средствами замещаемых элементов [12, с. 71-80]. Так, имитируя убийство с помощью манекенов и искусственных «орудий» убийства в следственном эксперименте, исследуются обстоятельства совершения преступления, но там не происходит нового преступления. При обучении методам самообороны имитируется нападение, но там нет умысла ни на убийство, ни на причинение вреда здоровью, т. е. нет состава умышленного преступления. Неосторожные же преступления часто являются следствием конкретных обстоятельств, которые виновный не предвидел, хотя и должен был бы предусмотреть. Такого рода преступления не увязаны конкретно с экспериментом, поводом к ним могут быть различные обстоятельства. Здесь дело в общей осмотрительности и добросовестности экспериментатора, а не в характере самого криминологического эксперимента как метода научной деятельности. Кроме того, деяния, содержащие признаки состава преступления, и так запрещены под угрозой наказания уголовным законом. Непонятно, зачем отдельно указывать такое требование именно к эксперименту. А если уж совсем широко учитывать аргументы противников криминологических

экспериментов, то тогда нужно запретить производство и показ художественных фильмов и спектаклей, где в игровой форме также моделируется преступление, в том числе и классика: «Отелло» В. Шекспира и «Маскарад» М. Ю. Лермонтова.

Некоторые авторы противопоставляют понятия «эксперимент» и «моделирование», понимая под моделированием исключительно математическое моделирование [13, с. 50-51]. Однако в науке описываются разные виды моделирования и моделей (вещественные, графические, знаково-символические, мысленные (идеальные), объемные и др.). Ролевая игра, в частности, рассматривается как вид замещающей деятельности, изоморфно отражающая виды реального человеческого бытия, как их модель [12, с. 71-80]. Криминологический эксперимент как модель криминологической реальности является видом игрового моделирования.

Некоторые сторонники ограниченного применения эксперимента в криминологии указывают, что эксперимент может быть использован только для стимулирования правопослушного поведения и для проверки эффективности мер профилактики [8, с. 87]. Ю.М. Антонян убежден в том, что основная сфера применения эксперимента в криминологии – это совершенствование организации и тактики предупреждения преступлений и деятельности правоохранительных органов [1, с. 23]. Напротив, В.В. Лунеев справедливо полагает, что экспериментальный метод применим для достижения не только сугубо криминологических целей, но и опосредованно, через криминологические методы, для решения уголовно-правовых проблем [9], т. е. сфера его применения достаточно широка.

Продуктивной представляется позиция Н.П. Косоплечева, доказывающего не только возможность, но и необходимость применения экспериментальных методов в криминологии, однако в определенных пределах и с соблюдением норм закона и морали. Криминологический эксперимент, по Н.П. Косоплечеву, это заранее обусловленная в определенных пределах общественная деятельность в рамках закона и с соблюдением моральных норм с целью проверки гипотез о причинах и условиях совершения правонарушений и об оптимальных мерах их предупреждения для выработки эффективных форм и методов профилактики правонарушений и ее правового регулирования [6, с. 67]. Соглашаясь с общей трактовкой

криминологического эксперимента, все же позволим себе отметить в дефиниции, данной Н.П. Косоплечевым, некоторые недочеты.

Во-первых, признак «соблюдения моральных и правовых норм» является несущественным для определения сущности криминологического эксперимента. Этот признак относится к сфере правового регулирования использования данного метода или его этического обоснования. Нарушение правовых и этических норм возможно при проведении любого эксперимента (медицинского, психологического, физического, химического и т. д.), однако сущность данного метода от этого не меняется. Во-вторых, эксперимент – это не просто какой-то вид общественной деятельности, это – метод научного исследования. Соответственно, криминологический эксперимент – метод научного криминологического исследования, со своим специфическим инструментарием, процедурой и предметом изучения.

Некоторые авторы широко трактуют понятие «эксперимент». К примеру, С.И. Курганов вводит понятие «ретроспективный эксперимент», называя его также «квазиэксперимент». В качестве примера дается изучение антиалкогольной кампании перестроечного периода и результаты ее влияния на преступность [8, с. 11]. Следует полагать, что речь идет не об эксперименте, а об оценке правовых последствий реального события. То, что С.И. Курганов называет ретроспективным экспериментом, на самом деле не эксперимент, а часть реальности, которая выбирается для анализа. В противном случае любой анализ практики применения законодательства нужно рассматривать как эксперимент. Здесь имеет место применение обычного аналитического метода. Аналогично, практика, а не ретроспективный эксперимент, показала, что применение травматического оружия может иметь негативные последствия для жизни и здоровья граждан, и это обстоятельство стимулировало внесение соответствующих изменений в ФЗ «Об оружии» и УК РФ в 2010 г.

Вместе с тем между практикой и экспериментом существует определенная взаимозависимость. Данные эксперимента могут быть подтверждены или не подтверждены практикой. Практика, в свою очередь, может предоставить исходный материал для формулирования гипотез и методики эксперимента. Результаты эксперимента могут быть внедрены в практику.

В отличие от практической деятельности эксперимент как метод научного исследования имеет специальную технологию проведения. Она предполагает формулирование предварительных гипотез, выработку процедур экспериментального исследования, определение круга испытуемых и требований к ним (инструкции испытуемым), формулирование диагностических критериев, статистическую обработку полученных данных и т. д.

Говоря о виктимологическом эксперименте, можно констатировать, что его основными целями являются:

1. Изучение поведения жертвы
 - до преступления;
 - во время преступления;
 - в течение длящегося преступления;
 - после преступления – для выявления и анализа виктимологических факторов преступности, специфики процесса виктимизации.
2. Изучение личности жертвы.
3. Выявление и оценка эффективности мер виктимологической профилактики.
4. Оценка средств виктимологической защиты и самозащиты.

Вместе с тем достижение этих целей не всегда требует моделирования ситуации преступления в целом. Научную ценность представляют и результаты моделирования отдельных фрагментов преступления, в нашем случае это те фрагменты, которые детерминированы виктимологическими факторами.

Методика проведения и результаты одного из наших виктимологических экспериментов, посвященных изучению такого значимого виктимологического фактора как визуальный контакт жертвы и преступника в ситуации длящегося преступления, каким является захват заложника, описаны в статье «Психология взгляда заложника» [2].

Достоверность и надежность полученных данных нашли свое подтверждение на практике. Так, ливийских повстанцев сопровождал «тяжелый взгляд» захваченного ими журналиста «Комсомольской правды». Они стали подозревать в нем шпиона М. Каддафи или сотрудника российских спецслужб. Напротив, оценка ситуации с определенным юмором и дружелюбностью по отношению к захватчикам у корреспондентов НТВ помогла разрядить ситуацию, и журналистов отпустили*.

В методологии науки различаются понятия «естественного» и «лабораторного» экспериментов. Естественные эксперименты проводятся в естественных условиях, при получении соответствующего разрешения компетентных органов. К ним можно отнести, например, эксперимент по внедрению в судопроизводство ювенальных технологий, который до сих пор осуществляется в ряде регионов Российской Федерации. Лабораторный эксперимент организуется в искусственно созданных условиях. Например, в учебной аудитории может разыгрываться условный судебный процесс.

Естественные эксперименты, содержанием которых является моделирование преступления, конечно, требуют строжайшей регламентации и должны проводиться при соблюдении всех условий крайней необходимости. Допустим, насущная потребность борьбы с терроризмом требует иногда от всего общества терпимо относиться к определенному ограничению прав личности, хотя это требование не всегда и не у всех граждан находит понимание и поддержку. Примером служит факт возмущения граждан естественным экспериментом, проводившимся ФСБ, когда, проверяя бдительность населения, в подвале одного из домов сотрудники этого ведомства оставили мешки с условным «гексогеном». Другой раз, выявляя слабые места таможенных правил, позволяющих переправлять через границы иностранных государств взрывчатку, сотрудники спецслужб подкладывали ничего не подозревающим лицам запрещенные к переправке через границу вещества. Хотя эксперимент в целом принес общественно полезный результат, поскольку часть взрывчатки не была обнаружена при перевозке ее через несколько границ, и это заставило пересмотреть некоторые правила контроля за передвижением грузов, в общественном сознании реакция была неоднозначной.

Вместе с тем вызывает сомнения правомерность и полезность деятельности граждан при несанкционированном проведении подобных, описанным выше, экспериментов. Полиция Лондона задержала двух корреспондентов британской газеты «Daily Mirror», которые пытались заложить муляж взрывного устройства в вагоне метро. Они хотели проверить эффективность работы служб бе-

зопасности на общественном транспорте*. Такие эксперименты нельзя проводить без соответствующего разрешения, поскольку без профессиональной проверки методики эксперимента и организации контроля за его проведением, трудно предвидеть последствия замороженных опытов.

Лабораторный виктимологический эксперимент требует меньшей регламентации, но и там необходимо соблюдение прав испытуемых.

На основе проведенных эмпирических исследований может быть сделан вывод, что виктимологический эксперимент по сравнению с другими методами криминологического (виктимологического) исследования имеет по ряду оснований существенные преимущества. Во-первых, экспериментальные данные обладают более высокой информативной ценностью. С помощью статистических методов, методов наблюдения и опроса можно только строить предположение о механизме изучаемого явления, а основной целью эксперимента является именно проверка предположения. Во-вторых, в эксперименте можно смоделировать то, что часто нельзя пронаблюдать. Далеко не каждый исследователь может стать наблюдателем реального преступления. В-третьих, достоверность экспериментальных данных значительно выше. То, что человек пишет в анкете, может не соответствовать его реальному поведению, а в эксперименте он это реальное поведение должен продемонстрировать.

К сожалению, на данный момент типичное виктимологическое исследование ограничивается в основном статистическим описанием жертв преступления и обобщением данных анкетирования. Однако, например, в естественно-научном эмпирическом исследовании статистические и полученные методом наблюдения данные, как правило, служат лишь исходным материалом для качественного анализа исследуемой проблемы, в частности, для формулирования гипотезы экспериментального исследования.

Тот же недостаток и у другого наиболее распространенного в криминологии метода – анализа уголовных дел. Результатом изучения уголовных дел может стать, как правило, также только гипотеза о реальных виктимологических факторах совершения преступления. Проверка же гипотезы требует более

* Сегодня. НТВ. 2011. 9 апреля.

* <http://www.smi.ru/text/07/07/25/907878666.html>

длительной и трудоемкой работы в ходе, например, виктимологического эксперимента.

Покажем это на примере конкретного исследования. В ходе опроса преступников и изучения материалов уголовных дел было установлено, что для потерпевших были свойственны следующие отрицательные черты характера: неуравновешенность, повышенная раздражимость, высокий уровень агрессивности, циничность, следование двойной морали, высокомерие, лживость и т. п. [5] Совершенно очевидно, что такие данные можно рассматривать только в плане предварительной гипотезы, требующей дальнейшей тщательной проверки, так как непонятно, как можно точно установить особенности характера потерпевшего, беседуя только с преступником. К тому же различные черты характера, в том числе лживость, высокомерие и т. п., встречаются в той или иной степени у всех людей. Являются ли эти черты акцентуированными, т. е. патологически выраженными, можно установить только с помощью специальных психологических методик. И наконец, характер проявляется в типичных ситуациях. Вряд ли ситуация преступления для каждой конкретной жертвы является типичной. Вполне возможно, что вне ситуации взаимоотношений с преступником жертва проявляет даже не свойственные ей черты характера. Все это еще раз обосновывает необходимость использования в криминологии более разнообразного спектра методов исследования.

Активные методы используются и в качестве методов (мер) криминологической или виктимологической профилактики, хотя пока и ограниченно. Это, в первую очередь, различные тренинги и учения. При тренингах моделирование используется не в научных, а в прикладных целях. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, выступая 21 февраля 2011 г. на расширенной коллегии глав силовых ведомств, посвященной борьбе с коррупцией, специально отметил, что лучший способ профилактики терроризма – это учения. С этим трудно не согласиться. Т.В. Варчук и К.В. Вишневецкий справедливо обращают внимание на то, что социально-психологические тренинги являются важнейшей формой работы по девиктимизации жертв [4, с. 178].

В нашем эмпирическом исследовании установлено, что эффективность традиционных криминологических методов (мер) – памяток и метода убеждения – максимум 3 %, а

эффективность тренингов – минимум 30 %. Данные проведенного исследования говорят о том, что в настоящее время практически во всех учебных заведениях имеются стенды с перечнем правил поведения заложников. По содержанию это выборка из рекомендаций, сформулированных специалистами службы при ФБР США, сделанных на основе обобщения случаев захвата заложников [3, с. 9]. Как правило, на школьных стендах представлено до 14 таких рекомендаций:

- по возможности возьмите себя в руки, успокойтесь и не паникуйте;
- подготовьтесь физически и морально к возможному трудному испытанию;
- не пытайтесь бежать, если нет полной уверенности в успехе побега и т. д.

Проведенный под руководством автора контрольный срез усвоения информации о правилах поведения заложников в пяти школах г. Ельца (выборка 300 человек) выявил, что никто из учащихся не знает все правила поведения заложников (рис. 1). Только шесть учеников (2 %) озвучили четыре правила. Ответы 16 % (51 человек) были общего характера, например: «убегу»; «буду делать все для спасения своей жизни»; «как повезет»; «буду делать так, как учили на уроках ОБЖ»; «упаду в обморок» и т. п.

Результаты исследования привели к однозначному выводу о том, что пассивные методы виктимологической профилактики в виде памяток, плакатов, лекций и т. п., имевшие место в школах, где проводились срезы, малоэффективны. Школьники, как правило, либо вообще не читают памяток, либо не вдумываются в их содержание. После проведенного занятия, требующего активизации познавательных процессов (внимания, мышления, памяти) в виде ролевой игры-конкурса «Заложник», результаты воспроизведения правил поведения заложников существенно улучшились. Самый худший результат составил 5 правил из четырнадцати у 10% испытуемых, а лучший – все четырнадцать правил – 25% испытуемых.

Другое исследование позволило сделать вывод о том, что пассивные методы виктимологической профилактики обладают в некоторых случаях и потенциальной опасностью для несовершеннолетних, когда они знакомятся с ними самостоятельно, поскольку дети могут их неправильно понять или оценить. Мы привлекли группу психологов-экспертов (14 человек) для виктимологической оценки

Рис. 1.

содержания плаката, выпущенного для общеобразовательных учреждений издательством «Айрис-пресс» в 2006 г.: «Как не оказаться жертвой, если стреляют». Все эксперты единодушно выразили мнение, что два из четырех правил, проиллюстрированных на плакате, могут стать причиной виктимизации несовершеннолетнего в случае следования им. Так, согласно одному из правил, если ребенок находится дома, а на улице слышны выстрелы, то он должен найти швабру, занавесить с ее помощью окно (на рисунке изображены два ребенка на фоне окна, занавешивающие его при помощи швабры и ставшие при этом хорошей мишенью), затем выключить свет и только потом спрятаться в глубине комнаты (при этом не ясно, что значит «глубина комнаты»). Несомненно, до того пока ребенок найдет швабру и т.д., он вполне может стать жертвой. И еще один нюанс, отмеченный экспертами: не во всякой семье есть швабра, а в некоторых семьях имеются швабры, конструкция и дизайн которых значительно затрудняют использование их в качестве вспомогательного средства для завешивания штор.

Согласно другому, зафиксированному на плакате правилу, ребенок может зайти в дом, в котором слышны выстрелы, через полчаса после прекращения стрельбы. Совершенно очевидно, что ребенок в такой ситуации не может самостоятельно оценить опасность происходящего и не должен принимать такое решение без помощи взрослого.

Вместе с тем опыт проведенных эмпирических исследований показал, что активные методы виктимологической профилактики наиболее эффективны при работе с наивными потенциальными потерпевшими, т. е. с теми, которые раньше никогда не были жертвами моделируемых преступлений. Если же речь идет о потенциальных реальных потерпевших, которые ранее были жертвами аналогичных преступлений, то здесь иногда использование этого метода действительно противопоказано, он актуализирует аффективные негативные переживания.

У участников ролевой игры иногда кардинально меняются прежние представления о возможной ситуации преступления, потому что они там как бы «побывали», у них появился хоть и игровой, но опыт.

Так, благодаря регулярным учениям по противопожарной безопасности почти удалось избежать жертв при пожаре в редакции газеты «Комсомольская правда» в 2006 г. Хотя, если такого рода учения проводятся с преобладанием пассивного слушания информации без использования активных методов, то это значительно снижает их эффективность.

Автором был проведен опрос преподавателей, сотрудников и студентов ЕГУ им. И.А. Бунина (выборка – 100 человек), прослушавших в разное время на обязательных занятиях информацию о правилах противопожарной безопасности. Были заданы два вопроса:

1. Умеете ли Вы пользоваться огнетушителем?

2. Какие виды огнетушителей Вы знаете?

Второй вопрос был задан потому, что используемые в настоящее время в учреждениях огнетушители имеют разные технические свойства. Приемы пользования одним видом огнетушителя противопоказаны в целях безопасности при употреблении другого вида. Незнание этих различий может привести к травмированию пользователя. Были получены следующие данные: только пять человек знали особенности применения трех типов огнетушителей. Причем один из них – сам бывший пожарный, двое других – лица, ответственные за пожарную безопасность, два – бывшие офицеры. 14 % (14 человек в основном студенты мужского пола) правильно воспроизвели правила пользования одним из видов огнетушителей (рис. 2). Были ошибочно названы такие виды несуществующих огнетушителей, как щелочной, бензиновый, кислотный, песочный, газовый. Некоторые воспроизвели способы использования огнетушителей старых серий, которые уже сняты с производства и не применяются при пожаротушении в настоящее время.

Подтвердилось предположение, что пассивное прослушивание информации не способствует формированию практических навыков обращения со средствами пожаротушения.

Вместе с тем при проведении различных тренингов также возможно нарушение личных прав их участников. При проведении экспериментов и тренингов должны быть заданы определенные пределы имитации преступления.

Многолетний опыт экспериментальной и тренинговой работы позволил прийти к выводу, что критериями правильности выбора таких пределов должно стать соблюдение следующих правил.

1. При проведении виктимологического эксперимента и тренингов виктимологического содержания не должны нарушаться права человека.

2. Если моделирование всего преступления в принципе невозможно без нарушения прав испытуемого, то тогда нужно выделить в нем виктимологически важные фрагменты, при воспроизведении которых не происходит нарушения прав участников эксперимента (тренинга).

3. В экспериментальном виктимологическом исследовании и при использовании активных мер виктимологической профилактики не должно быть нарушения моральных норм и принципов.

4. В виктимологическом эксперименте или тренинге испытуемый может участвовать только добровольно.

5. Если в экспериментальном виктимологическом исследовании или тренинге про-

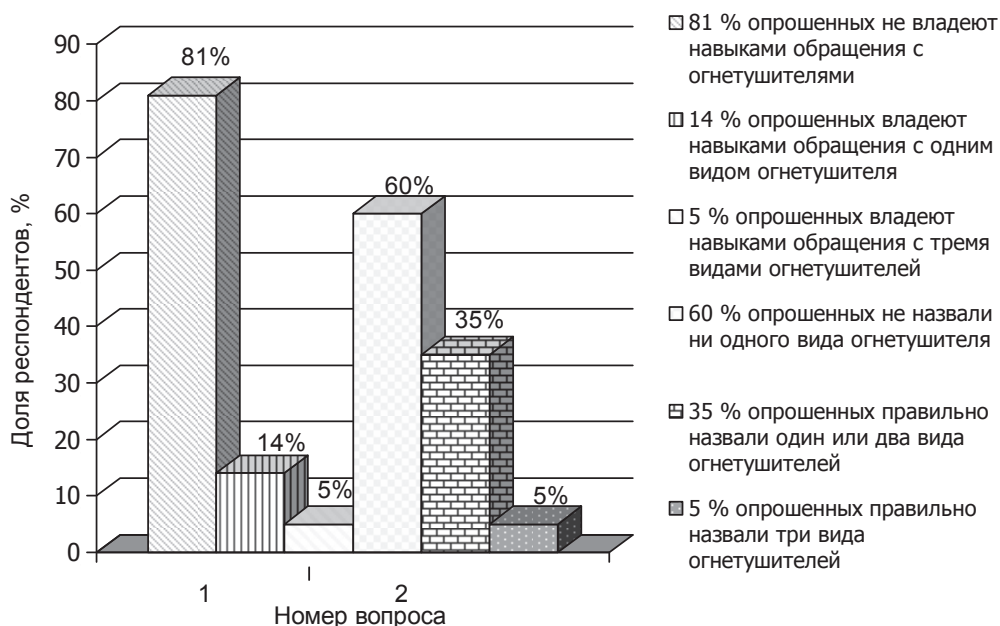

Рис. 2. Результаты ответа на вопросы

исходит ограничение некоторых прав испытуемого, то нужно получить его письменное согласие на такое ограничение.

6. Участник должен иметь возможность в любой момент прекратить свое участие в эксперименте (тренинге).

7. Надо заранее в тактичной форме выяснить, не был ли кто-нибудь из испытуемых ранее жертвой того вида преступления, ко-

торое моделируется, если такие найдутся, то нужно дополнительно рассмотреть возможность его участия в виктимологическом эксперименте (тренинге).

8. Экспериментатор (тренер) должен заранее выработать набор психотерапевтических формул для случаев возникновения нестандартных ситуаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. — М., 2004. — 174 с.
2. Будякова Т.П. Психология взгляда заложника // Российский криминологический взгляд. — 2008. — № 1. — С. 191–195.
3. Борьба с преступностью за рубежом. — 1991. — № 3 (цит. по: Овчинникова Г.В., Павлик М.Ю., Коршунова О.Н. Захват заложника. — СПб., 2001 — 112 с.).
4. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология. — М., 2008. — 191 с.
5. Ильяшенко А.Н. Потерпевший в механизме совершения насильственных преступлений в семье // Материалы научно-практической конференции юридического факультета. — Елец, 2006. — С. 333–340.
6. Косоплечев Н.П. Методы криминологического исследования. — М., 1983. — 212 с.
7. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. — М., 2010. — 1008 с.
8. Курганов С.И. Криминология. — М., 2010. — 184 с.
9. Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминологического цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. — М., 2010. — С. 15–52.
10. Майерс Д. Социальная психология. — СПб., 1998. — 684 с.
11. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. — Т. 2. — М., 2001. — 559 с.
12. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. — М., 1988. — 288 с.
13. Тарасов Н.В. Методологические и методические аспекты криминологического изучения преступности в системе правоохранительных органов // Черные дыры в российском законодательстве. — 2002. — № 4. — С. 44–52.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. *Kriminologiya. Izbrannyye lektsii* [Criminology. Select Lectures]. Moscow, 2004, 174 p.
2. Budyakova T.P. *Rossiiskij kriminologicheskij vzglyad* [Russian Criminological Outlook]. 2008, no. 1, pp. 191 – 195.
3. Ovchinnikova G.V., Pavlik M.Yu., Korshunova O.N. *Zahvat zolozhnika* [Hostage-Taking]. Saint-Petersburg, 2001, 112 p.
4. Varchuk T.V., Vishneveckij K.V. *Viktinologiya* [Victimology]. Moscow, 2008, 191 p.
5. Il'yashenko A.N. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii yuridicheskogo fakul'teta* [Law Faculty's Research Conference Materials]. Yelets, 2006, pp. 333–340.
6. Kosoplechev N.P. *Metody kriminologicheskogo issledovaniya* [Methods of Criminological Research]. Moscow, 1983, 212 p.
7. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2010, 1008 p.
8. Kurganov S.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2010, 184 p.
9. Luneev V.V. *Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Law. Topical Issues of Theory and Practice]. Moscow, 2010, pp. 15–52.
10. Majers D. *Social'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Saint-Petersburg, 1998, 684 p.
11. Reber A. *Bol'shoj tolkovyy psikhologicheskij slovar'* [Comprehensive Explanatory Psychological Dictionary]. Vol. 2. Moscow, 2001, 559 p.
12. Salmina N.G. *Znak i simvol v obuchenii* [Sign and Symbol in Education]. Moscow, 1988, 288 p.
13. Tarasov N.V. *Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve* [Black Holes in Russian Legislation]. 2002, no. 4, pp. 44–52.

Информация об авторе

Будякова Татьяна Петровна (Елец) — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии. Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, e-mail: budyakovaelez@mail.ru)

Information about the author

Budyakova, Tatyana Petrovna (Yelets) — Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Head, Chair of Psychology. Yelets State Ivan Bunin University (Kommunarov st., 28, Yelets, 399770, e-mail: budyakovaelez@mail.ru)